

Борис Каценеленбаум

ПРИКОСНОВЕНИЯ

2015

От автора.

Это - не детектив, хотя в первых двух главах речь идет об убийстве. Главное - это обратить внимание на те состояния человеческой души, которые находятся вне обычных обстоятельств жизни. В последнем абзаце повести старый профессор пытается сформулировать соответствующую гипотезу в виде тоста. К сожалению, его формулировки не очень точны, ибо он был уже не вполне трезв.

Глава 1. Интуиция.

50 лет тому назад я смертельно ранила человека. Через несколько минут другой человек вновь стрелял в него. Он умер. Почему я сейчас пишу об этом? Срок давности давно прошел, и юридического значения это не имеет. Не могу сказать, чтобы полвека я думала об этом, но все же, по-видимому, это меня давит. Психологи утверждают, что в таком случае нужно сформулировать неприятные воспоминания.

Но начну сначала. Когда я закончила школу, то мои родители - школьные учителя - не могли дать мне денег для учебы в университете. Вмешался мой брат. Он на 12 лет старше меня и всегда относился ко мне как к дочери. Он ушел из армии и поступил в полицию университетского городка. Мы сняли квартиру с двумя спальнями. Утром я готовила завтрак. Я уходила в университет, а он на первое дежурство с 9 до 2-х. В начале третьего он приходил, и мы обедали. Он отдыхал

и уходил на второе дежурство с 4-х до 9. Все хозяйство вела я, практически все деньги были его. Когда я кончила университет (я училась на историческом факультете), я начала писать магистерскую диссертацию. Одновременно я заняла должность в моем доме. Ежедневно с 4-х до 9 я сидела в конторке на первом этаже, здоровалась с проходящими и прощалась с уходящими жильцами. Утром я делала все хозяйственные дела или шла в читальный зал нашей университетской библиотеки. Журналы на дом не выдавали, их приходилось читать там.

Раза два в неделю брат приходил с вечернего дежурства не один. Это были продавщицы ближних магазинов или маленькие секретарши. Тогда мы ужинали и, соответственно, завтракали втроем. Иногда ко мне вечером приходил кто-нибудь из моих приятелей и тогда мы тоже ужинали или завтракали втроем. Мы были молоды, здоровы и свободны.

Последние полгода в моей жизни наметились изменения. У меня появился один молодой мужчина, остальные "друзья" отпали сами собой. Мне было уже почти 25 лет, ему на 7 лет больше, нам было очень хорошо друг с другом. Мы могли сидеть в одной комнате, заниматься каждый своим делом, и не мешать друг другу. Нашему браку мешало одно обстоятельство - бедность обоих. Я немножко подрабатывала, заменяя больных секретарш, он был страховым агентом. Мы оба понимали, что мы не сможем построить семью. Ему нужна была богатая невеста, мне богатый жених.

За две недели до убийства мой друг рассказал мне фантастическую историю. Его прямой начальник – заместитель управляющего страхового агентства - сказал,

что ему не хватает 25 тысяч, чтобы перейти в банк, с которым работало его агентство, мой друг занял бы его место, а управляющий через пару месяцев ушёл бы на пенсию, и мой друг занял бы его место. Не хватало мелочи - 25 тысяч.

Я убила человека, ограбила его, фантастический план сработал, через полгода мы поженились. Через несколько месяцев у нас будет золотая свадьба.

В четверг, накануне убийства, часов в пять вечера я работала над диссертацией в своей конторке. Открылась дверь, вошли двое мужчин. Одного я хорошо знала - это был фотограф. Он жил в квартире над нами. Второй был мне незнаком, хотя лицо его я знала. Поздоровавшись со мной, они начали подниматься по лестнице, и второй мужчина сказал фотографу: "Эти 28 тысяч пробудут у вас до субботы, а в субботу мы..." Далее я не слышала, они поднялись выше.

Разумеется, за 50 лет я забыла когда и что я думала, но вероятно, я тогда и подумала: "Хорошо бы ограбить соседа".

В этот вечер брат пришел с очередной приятельницей, и мы весело поужинали.

Утром я проснулась с мыслью: "Я должна его убить и взять деньги".

Я должна сделать небольшое отступление о моих религиозных чувствах.

В семье моих родителей религиозные условности исполнялись скорее как социальная обязанность. Религиозные предписания я рассматривала как общественные обязательства. Сказалось также мое историческое образование. Всевозможные Александры и Наполеоны, а также их многочисленные предшествен-

ники и последователи, убивали десятками тысяч. В последнюю войну счет шел уже на десятки миллионов. Их осуждали только в том случае, если они проигрывали, и то не очень. А я хотела убить одного человека, и не ради каких-то мифических целей, а чтобы создать семью с любимым человеком.

Утром, проводив брата на работу, я пошла в читальный зал. Как всегда, в первой половине дня в читальном зале было мало посетителей. Мы сидели далеко друг от друга и не мешали друг другу читать, думать или спать. Я взяла свои журналы, сидела и думала.

Ни в школе, ни в университете я не участвовала в любительских спектаклях. Мне казалось смешным представлять себя русской помещицей или итальянской девушкой, хотя я помнила все время, что я студентка такого-то факультета. Однако мне нравилось в артистической деятельности, что артист знает куда ему идти и что ему говорить. Автор написал, что делать, режиссер объяснил как делать.

Предстоящее мне сейчас убийство в моих глазах было игрой, происходящей по сценарию, уже написанному кем-то.

Вернувшись домой, я покормила брата, и он пошел в свою комнату отдохнуть. Он спал по армейской привычке: "Лег - засни, проснулся- вставай". Убрав посуду, я вошла в его комнату. Перед этим я надела перчатки, исполняя единственное правило техники безопасности убийства, которое я вынесла из детективов. Он спал. Одежда лежала на стуле. На спинке стула висела кобура и патронташ. Я вынула пистолет из кобуры и вышла из комнаты.

В старшем классе школы у нас была военная неделя. Мальчики уезжали в лагерь, а нас девушек учили элементам полевой хирургии. Главным элементом было не бояться крови. Кроме того, нас учили обращению с личным оружием - винтовкой и пистолетом (автоматов тогда ещё почти не было). Я умела поставить пистолет на предохранитель, снять с предохранителя и зарядить. В тир нас не водили, так что выстрел, который я произвела тогда, был единственным в моей жизни.

Я обернула пистолет шарфом и пошла на третий этаж. Позвонила один раз и второй. Услышала шаги фотографа и его вопрос: "Кто там". Я ответила: "Ваша консьержка. Для вас пакет". Это была глупость, но ничего умнее я придумать не могла. Он открыл дверь и отодвинулся, чтобы дать мне войти. По-видимому, я потеряла сознание и прислонилась к левому косяку двери. Стреляла я, закрыв глаза. Когда я их открыла, то я увидела на правой стене большое отверстие в штукатурке, в нём виднелась красная кирпичная кладка, между кирпичами торчала пуля. Фотограф сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Уже позже из газеты, описавшей все это, я узнала, что попала ему в правое плечо, пуля прошла навылет и задела позвоночник.

Крови было очень мало. Перешагнув через его ноги, я вошла в следующую комнату. Планировка была как и в нашей квартире. Справа стояла какая-то мебель и были какие-то двери, слева у окна стоял письменный стол и перед ним отодвинутый стул. Стол был необычный, в нем не было ящиков и тумбочек, а на нем вертикально стояли 3 шкафчика. В каждом из них была

дверца, в самом правом дверца была открыта. Там были какие-то письма и фотографии. Я вынула ключ из дверцы и открыла средний шкафчик. В нем стоял сложенный вдвое большой черный портфель. Я его открыла. В нем был банковский конверт, а в нем три пачки денег. Я вынула деньги, вернулась на лестничную клетку и плотно закрыла за собой дверь. Затем я спустилась на первый этаж и спрятала конверт в горшке, в котором стояла кактусовое дерево. Оно стояло там, когда мы приехали, и вероятно стоит там до сих пор. Потом я поднялась к себе на второй этаж, зашла в комнату брата. Он спал. Я вынула патрон из патронташа, вставила его в магазин и убрала пистолет в кобуру. Затем я вышла в переднюю, сняла перчатки, а шарф, в который был обернут пистолет, положила в стиральную машинку. Затем пошла в гостиную, села в кресло и заснула. Брат разбудил меня перед уходом какой-то незначительной фразой. Было уже без четверти 4, я привела себя в порядок, вышла на лестницу - начиналось моё дежурство - и услышала страшный женский крик. На меня буквально скатилась пожилая женщина, живущая на третьем этаже. Её дверь была напротив двери фотографа. В руках у неё было ведро с мусором, и она кричала: "Слишком много женщин и кровь". Она потребовала, чтобы я поднялась с ней на третий этаж. Я думала, что я знаю, что я увижу. Я ошиблась.

Дверь в квартиру фотографа была широко открыта. Он лежал на полу, и было очень много крови. Она скопилась лужицей около его бедра. Если бы не было порога, то кровь пролилась бы на лестничную площадку. Мы скатились со старушкой вниз, я вызвала

полицию. Через 5 минут появились два полицейских. Они поднялись наверх, затем одни из них вызвал ещё кого-то. Приехали трое мужчин. Двое пожилых и один молодой. Они тоже поднялись наверх, затем молодой спустился и представился "следователь такой-то". Затем началась обычная по-видимому процедура. Он спросил кто первый увидел убитого, задал старушке-соседке несколько вопросов и отпустил её. В след за этим он принялся за меня. Кроме очевидных вопросов кто я и кто был утренней консьержкой, он задал мне два вопроса, ответы на которые я никогда не забуду. "Когда Вы последний раз видели убитого?", - спросил он. Я ответила: "Вчера вечером он возвращался домой с каким-то мужчиной". Второй вопрос не был неожиданным. Неожиданным был мой ответ. Вопрос был: "Эти мужчины о чем-нибудь говорили?". И я ответила: "Спутник сказал фотографу: "Эти 28 тысяч пробудут у вас до субботы". Дальнейшее очевидно. Были допросы моего брата, меня и старушки-соседки - уже в офисе следователя - и, как я знаю из газеты, он никого не назвал подозреваемым. Собственно говоря, это все. У нас большая семья: 3 внучки и внук. Муж естественно уже не работает, но мы не бедны. Мой брат так и не женился. У него большая пенсия, он очень дружит с моим внуком, тот уже ходит в школу.

Как я поняла значительно позже (через пару дней или через пару десятков лет сейчас я не знаю), меня спас от судебного преследования именно мой ответ, что я знала о деньгах. Это признание было настолько противоестественно для убийцы, что суд присяжных признал бы меня невиновной, и следователь это пони-

мал. Если бы я ответила, что я не знаю о деньгах, то косвенных доказательств было бы достаточно.

Я не могла в те доли секунды, которые у меня были, понять это и подумать об этом.

Итак - интуиция. Сверхбыстрое мышление, подобно шахматной машине, обыгрывающей гроссмейстера, или - выход в какое-то непривычное измерение. Далее об этом можно рассуждать, только используя слова, смысл которых неизвестен. Я много лет работала в администрации нашего города, последние 15 лет перед выходом на пенсию была заместителем мэра, многократно решала сложные вопросы, и никогда чувство особенности мышления меня не посещало.

Глава 2. Озарение.

Полвека тому назад я убила человека. Точнее, я добила вторым выстрелом тяжело раненного человека. Он умер. Срок давности давно прошёл, и юридического значения моё признание не имеет. Однако мысль о том, что никто, кроме меня, этого не знает, мне мешала, поэтому я запишу это признание и уничтожу эту запись перед смертью.

Религиозные соображения меня несколько не беспокоят. Быть порядочным и, в частности, не убивать - это социальная необходимость и религия здесь не нужна.

Взаимоотношения человека с Богом меня не интересуют - я не понимаю о чем идет речь.

Начнем с начала. За 7 лет до убийства, я окончила школу и поступила на филологический факультет в

университете того провинциального города, в котором живу и сейчас.

Пожалуй, главным в моей жизни было то, что я была очень красива. Не просто красива, а очень красива. Не только в школе, но и в университете, где учатся полтысячи женщин, я была первой красавицей. Очень вежливые люди говорят, что я до сих пор красива - хотя мне 75 лет. Переехав в университетский город студенткой, я сняла вместе с другой студенткой квартиру с двумя спальнями. Эта девушка скоро закончила университет и куда-то уехала. У меня к этому времени уже хватало денег, чтобы оставить квартиру за собой. Я немножко печаталась в местной газете, в большом журнале вышла моя небольшая повесть, и меня уже упоминали под титулом начинающий писатель (в мужском роде). Прошло много лет, пока меня не начали называть "известная писательница". Я не стыжусь признаться, что мне очень помогали различные мужчины. Уже на первом курсе меня познакомили с молодым человеком. Он называл себя художником, хотя был фотографом. Впрочем, он показывал мне свои картины - действительно интересно. Он занимался тем, что фотографировал голых женщин и затем печатал эти фотографии с согласия моделей, тщательно затушевав их лица. Со многими из них фотосессии кончались близкой дружбой. За позирование он платил, что для меня было тоже важно. Нам с ним было по-настоящему хорошо. Я влюбилась безумно и даже написала ему 2 письма, когда он неожиданно ненадолго исчез. Примерно год продолжался этот роман. Мне не было ещё и 20, он был ровно на 10 лет старше меня. Было ясно, что нам надо

разойтись. Обоим было рано вступать в брак, да и денежное состояние его было вполне неопределенным. Расставание прошло необыкновенно неудачно. В конце встречи мы, по его привычке, пили зеленый чай с горьким шоколадом. Я уже надевала шляпку (тогда дамы носили сложные шляпы), когда он мне сказал: "Дорогая, нам надо расстаться, я уезжаю". Я надеюсь, что я сумела сохранить лицо, как-то отшутилась и ушла. По-видимому, оскорбление, которое он мне нанес безразличностью своего тона, и послужило действительной причиной того, что произошло 50 лет назад.

Мы потом многократно встречались на разных тусовках, мы принадлежим к одному и тому же слою полубогемы. Мы обменивались ничего не значащими вежливостями.

А в четверг он позвонил мне. Я, разумеется, не помню слов, которыми говорили мы 50 лет назад, и буду записывать их так, как они, вероятно, и звучали. Он пригласил меня на завтра заехать к нему на 10 минут, сказал, что хочет дать мне несколько бумажек и, кроме того, попросил в долг 2 тысячи. Я обещала заехать и привезти деньги. В этом его звонке было много непонятого. Я думала (и думаю), что это был шантаж. Дело в том, что я, по-видимому, собиралась выходить замуж. Мой возможный жених был очень богат. Я была очень красива. Мы идеально подходили друг другу. Я думала, что фотограф шантажирует меня письмами, которые я ему писала.

В тот вечер я никуда не собиралась уходить и думала над своим первым романом, над которым я в то время работала. В нем было слишком много совпа-

дений. В романах Достоевского тоже много совпадений, но то, что можно Достоевскому, нельзя начинающему писателю.

По-видимому, в это вечер я и приняла решение, которое осуществила на следующий день. Полный ответ, почему я убила фотографа, я не знаю.

Утром я проснулась с уверенностью, что я его убью, и со знанием того, как я это сделаю. И в школе, и особенно в университете, я много играла в любительских спектаклях. Я умела притвориться и шотландской аристократкой и греческой жрицей, и меня нисколько не смущало то, что на самом деле я студентка. Забыть о том, что я студентка, я не умела, поэтому серьезной артисткой я стать не могла. Сейчас мне предстояло сыграть свою роль, но я помнила, что я не гречанка, а невеста богатого человека, и что играю я по кем-то написанному сценарию. О том, что я боюсь, что шантаж испортит возможную мою свадьбу, я приказала себе забыть.

В то время в моде были пистолетики, называвшиеся «дамская безделушка». Это были короткие палочки. Если нажать на кнопку, то они выстреливали маленькими стрелами. Говорили, что на расстоянии метр можно убить человека, на расстоянии двух метров – поранить, на расстоянии трех метров – поцарапать.

У меня были 2 таких пистолетика. Один лежал у меня в сумочке, и там же лежала бумажка с правом им пользоваться. Второй мне подарили много лет тому назад, на нем был выплавлен номер, и он лежал где-то среди моих мелочей.

В начале третьего я позвонила фотографу и сказала, что не могу к нему придти сегодня в три, потому

что у меня в это время парикмахерская, и приду после неё в половине пятого. Я надела перчатки, достала незаконный пистолетик, тщательно вымыла его и положила в кармашек юбки. Существовала проблема консьержки. Когда я бывала у него, при входе всегда сидела какая-то дама. Я придумала следующее. Я надену плащ с капюшоном. В моем гардеробе был какой-то старый красный плащ. Консьержка запомнит красное, если я его выкину, она меня не узнает. Я села в свою машину (подарок "очень богатого человека") и поехала к фотографу. Машину оставила за несколько кварталов до него, вошла в подъезд. Консьержки не было. Я поднялась на третий этаж, позвонила один и второй раз. Ответа не было. Я присмотрелась и увидела, что дверь не заперта. Я открыла её.

Первое, что я увидела, была большая дыра в стене. Штукатурка осыпалась, был виден кирпич. На полу сидел фотограф. Он был ранен и без сознания, но, по-видимому, жив. Я нагнулась и выстрелила ему в сердце. Кровь полилась обильно сперва толчками, через несколько секунд, которые я стояла неподвижно, толчки прекратились, она просто текла. Перед этим он сидел, прислонившись к стене, после моего выстрела - сполз на пол. Следуя сценарию и исполняя роль обиженной и ревнующей женщины, я переступила через фотографа и вошла в комнату. Ничего не изменилось заметно с тех пор, как я была здесь 6 лет назад. Та же мебель и тот же смешной письменный стол у окна. Два шкафчика на нем были открыты. В самом правом я увидела две бумажки, по-видимому, мои письма, судя по почерку. Рядом лежали две мои фотографии в стиле ню. Лицо на них не было затушировано. Ясно, что он

мог бы этим меня шантожировать. "Очень богатый человек" понимал, что 27-летняя женщина имеет какую-то предысторию, но он не мог бы согласиться с тем, чтобы все видели его жену а-ля натюрель. Я схватила фотографии, разорвала их на мелкие кусочки и положила в карман. Затем я хотела взять свои письма. И не взяла их. Уже потом я поняла, что это спасло меня от судебного преследования. Казалось очевидным, что если бы я там была, я бы взяла эти письма. Раз я их не взяла, значит, меня там не было. И так признало бы любое жюри присяжных.

Почему я не взяла письма? Все эти рассуждения "если - то", не могли придти мне в голову мгновенно. Я думаю, что правильный термин "озарение". Нелогичным путем я приняла единственное спасительное для меня решение.

Я ушла, широко открыв дверь, через полтора часа я вернулась, я знала, что вернусь, и не хотела быть первой, нашедшей труп. Я ушла - консьержки все не было.

В машине я сняла плащ и поехала в парикмахерскую. Я зашла в дамскую комнату и выкинула остатки фотографий. Я не опоздала. Почти сразу меня пригласила моя мастерица. Час, проведенный в её кресле, полностью выпал из моей памяти. Мастерица моя была неговорлива и в моих советах не нуждалась. В половине пятого я подъехала к дому фотографа. Дальше все было очевидно. Меня встретил молодой следователь, задал обычные вопросы, и все кончилось. Потом он вызывал меня на официальный допрос, но никаких обвинений не предъявил.

Через полгода я вышла замуж за "очень богатого человека", и мы счастливо прожили полвека. У нас нормальная семья: дети, внуки. Муж давно уже не занимается своим бизнесом, мы достаточно богаты. Сейчас он развлекается тем, что подготавливает договор с издательством об издании полного собрания моих сочинений.

Итак - озарение.

Глава 3. Экстаз.

Завтра мне будет 35 лет. Земной свой путь пройдя наполовину, я посылаю письмо себе, прошедшему свой путь почти до края.

Итак мне 35. С чем я пришел и чего я жду?

После школы я поступил в художественное училище. Я всегда хорошо рисовал, а в училище мне понравилось писать акварели. Некоторые из них продавались через магазин, а потом ими заинтересовались любители. Я писал, главным образом, не красоту, а людей, любующихся красотой. Потом пришла фотография. Я выбрал очень странный жанр - нагие женщины. Я печатал эти фотографии в соответствующих журналах, предварительно затушевав лица женщин. Моими моделями были не только профессиональные натурщицы, но и другие молодые женщины, иногда даже замужние. Я платил им одну треть денег, которые я получал от журнала, и это всегда было для них приятным обстоятельством.

Я не занимался порнографией. Порнография ориентирует зрителя на действие, на активность, зачастую разрушительную. Эротика требует от зрителя

спокойного, вдумчивого созерцания. Я придавал своим моделям позы, вызывающие не сексуальное, а художественное впечатление. Я не был оригинальным. Греки, итальянцы, Рембрант, все они умели делать именно это.

Несколько лет тому назад я оказался в столице одного азиатского государства в день государственного праздника. Вечером был большой фейерверк. Многие жители вышли на улицу, чтобы любоваться им. Я тоже вышел из гостиницы. Недалеко от меня стояла молодая семья - мужчина, женщина и девочка лет 5-6. Девочка держалась за руки родителей, и ей было хорошо. Она смотрела на небо и на звезды, которые падали и загорались. Лицо этой маленькой азиатской девочки представляло собой некое чудо. Я думаю, что она забыла кто она, и про своих друзей. Она была в экстазе. Взрослые редко оказываются в таком состоянии. Они всегда помнят то, что они и где они.

Я хочу написать картину - акварель или масло. Берег моря, заход солнца. Три человека смотрят на солнце. Справа высокий мужчина, на шее у него сидит дочка. Левой рукой он держит её ноги, правой поддерживает её за спину. Он смотрит на солнце, но занят дочкой. Слева - женщина. Она смотрит на солнце, но борется с волосами, которые треплет ветер. Вероятно, слева нужно что-то для равновесия - дерево или большой камень. Лицо девочки расположено чуть-чуть правее середины картины. Солнце находится чуть-чуть левее середины картины. Если я сумею написать лицо девочки рядом с солнцем и такой же силы как солнце, то я - хороший художник.

А теперь я расскажу о женщине, которой я позвонил час тому назад. Семь лет тому назад меня познакомили с девушкой необыкновенной красоты. Ещё никому не удавалось словами описать красоту, даже царю Давиду. В её лице было что-то семитское. Вероятно одна из её бабушек встречалась с арабом или евреем. Она согласилась позировать у меня для моих фотосессий, и очень скоро мы стали близки. Она видимо серьезно полюбила меня, я был у неё первым мужчиной. Через год стало ясно, что мы любим друг друга. Ей не было двадцати, мне не было 30. Доходы мои были весьма непостоянны. Образовать семью мы ещё не могли.

Возможно, что это была самая большая ошибка моей жизни.

Надо было расставаться. Я сделал это необыкновенно неудачно. Перед её уходом после очередной близости я ей сказал, что мы больше не должны встречаться тоном, каким увольняют плохую горничную.

На красивом лице нельзя изобразить ненависть. Только на лбу, около глаз и около губ появились чуть заметные горизонтальные черточки. Сильно выдвинулся подбородок.

Она ответила какой-то шуткой и ушла.

Примерно дней 10 тому назад я встретил её на вернисаже. Полотна были неудачные или плохо разрекламированные, что собственно одно и то же, и публика толпилась в фойе. Я шёл к выходу и увидел её, разговаривающей с какой-то дамой. Я поклонился, она ответила вежливым кивком. В это время меня окликнул мой знакомый, который хотел мне что-то сообщить. Я обернулся к нему и мельком увидел её лицо. Это была

та же ненависть на красивом лице, те же черточки, тот же подбородок.

Час тому назад я позвонил ей. Я вообще умею разговаривать с женщинами, не обижая их, но с ней я говорю всегда неудачно. Я попросил её приехать ко мне завтра на 10 минут. Зачем, естественно, спросила она. Я ответил очень неудачно и по существу грубо: "Я хочу подарить тебе 2 листочка и, если ты можешь, одолжи мне 2 тысячи". Она согласилась. На самом деле под листочками она, конечно, поняла свои письма, а под двумя тысячами - плату за молчание о наших отношениях. Ни то, ни другое не верно.

В нашей среде известно, что она выходит замуж за очень богатого человека. Я хочу предложить ей, чтобы он дал мне денег на издание журнала. Она в этом журнале будет редактором или литературным редактором, как она захочет, а я буду заниматься художественной частью. У меня есть 28 тысяч, которые я собирался отдать за аппаратуру закрывающегося ателье, однако владелец требует 30 тысяч. В магазине я заплатил бы 45. С его аппаратурой я смогу работать значительно эффективнее. Я смогу использовать зеркала, съемки из двух положений и так далее. 28 тысяч недостаточно, чтобы основать журнал. Если "очень богатый человек" даст ещё вдвое или втрое, то я откажусь от покупки аппаратуры, и журнал будет. Я придумал ему логотип: картинка "девочка и солнце" и надпись: "Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце".

Завтра я её увижу. В худшем случае она мне откажет. Я, конечно, не возьму денег и отдам ей её письма. Она когда-то рассказывала мне о поэме русского поэта Пушкина (она специалист по русской литературе). Наз-

вание поэмы я забыл, но там описано, как мужчина сперва пренебрег любовью девушки, а когда прошли годы, и он вновь увидел её, он влюбился.

Итак, экстаз - умение быть счастливым.

Глава 4. Свобода от страха.

Сегодня утром я вернулся из города, в котором провел первые 26 лет своей жизни. Я окончил юридический факультет и два года работал помощником следователя. За неделю до происшествия, о котором я сейчас напишу, мой начальник уехал в отпуск, и я остался исполнять обязанности следователя. Предполагалось, что в начале осени серьезных преступлений в городе не будет, - погода не позволяет. Тем не менее, в четверг, через неделю после моего вступления в должность, был убит и ограблен фотограф. Когда наша бригада - фотограф, врач и я, прибыли на место преступления, мы увидели двух перепуганных женщин, стоящих рядом с полисменами, а, поднявшись на третий этаж, увидели труп молодого мужчины, лежащий около входной двери своей квартиры. Фотограф и медик остались около трупа, а я спустился вниз. Одна из женщин была первая, кто увидел труп. Вторая - консьержка этого подъезда. Уже первичный допрос дал неожиданные результаты. Пожилая женщина, первая увидевшая труп, оказалась соседкой убитого, и её рассказ ничего интересного не представлял. Вторая женщина сообщила, что видела убитого вчера, он поднимался по лестнице с каким-то мужчиной. Самым странным был её ответ на мой вопрос о чем они говорили. Она ответила - я точно

помню это - что у фотографа остаются на двое суток деньги в размере 28 тысяч. Все остальное было тривиально. С консержкой я поговорил уже в офисе.

Заинтересовал меня брат консержки. Выстрел, по-видимому, убивший фотографа, был произведен из полицейского пистолета, а брат консержки, проживающий с ней в этом доме в одной квартире, был полицейским.

Врач сообщил мне, что в убитого стреляли дважды. Один раз в правое плечо из пистолета, второй раз в сердце из игрушечного дамского пистолетика. Я не мог подозревать брата, потому что убийство было произведено необыкновенно непрофессионально. Опытный военный не попал бы в правое плечо человека, которого он хочет убить. Он не оставил бы раненного живым. И не оставил бы пулю, торчащей в кирпичной стене.

Его сестра подходила на роль убийцы. На письменном столе убитого лежал портфель, в котором могли быть деньги. Брат спал до половины четвертого, и она могла взять его пистолет. Её спасало от подозрения только одно обстоятельство. Она сразу сообщила, что знала о деньгах. Для убийцы это был поступок настолько противоестественный, что это практически избавляло ее от подозрения.

Продолжу описание первых часов после убийства.

Примерно в половине пятого на автомобиле подъехала очень красивая дама и сказала, что она договорилась с фотографом, что приедет к нему в это время. Когда я ей сообщил, что фотограф убит, её испуг был почти естественен. Я спросил, о чем они договорились с убитым; она ответила, что он хотел ей

передать её письма и просил её одолжить 2 тысячи. Даму эту я знал - это была первая красавица нашего университета. Мы с ней учились одновременно - я на юридическом, она на филологическом факультете. Меня она не знала - я не был первым красавцем.

Дальнейшее я прочитал несколько дней тому назад в газете того времени, которую мне нашли в университетской библиотеке. Её письма лежали на письменном столе, она их не взяла. О том, что были ещё фотографии, я узнал от неё два дня тому назад. Ни один из троих возможных убийц - полицейский, его сестра и красавица - не были привлечены мною к ответственности. Я провалил первое порученное мне дело - не раскрыл убийство. Через пару месяцев я оставил эту службу, переехал в столицу и начал ходить на семинары столичного университета. Судьба моя в университете сложилась удачно и, когда я уходил в отставку несколько лет назад, я уже был заведующим кафедрой (созданной мною) психологии преступления.

Я сижу в моей профессорской квартире и пытаюсь вспомнить ту историю, готовя материал для публичной лекции, которую я прочту через несколько недель.

Регулярных лекций я уже давно не читаю, но 3-4 раза в год читаю лекции на произвольную тему, якобы для студентов старших курсов. Проходят они в большом конференц-зале, и на них бывает очень много народу самого разнообразного - и юристы, и психологи. Эту лекцию я хочу посвятить неожиданным решениям преступников, оказавшимся спасительными для них и противоречащим кажущимся образом естественной логике. В этой связи, я вспомнил одно происшествие, бывшее со мною в мои студенческие

годы. Происшествие совершенно пустяковое, занявшее 5 минут, но давшее мне понятие о некотором состоянии, о котором я раньше не знал. Я гулял со своей приятельницей по городскому парку. Оба мы устали, а скамейки нам не попадались. Зато мы нашли киоск, где продавали пиво и сосиски. Около него стояло несколько столов и стульев. Мы сели на эти стулья, чтобы отдохнуть. К нам подошел продавец пива, и объяснил, что стулья для тех, кто покупает у него что-нибудь, и попросил нас их освободить. Девушка немедленно встала, а я почему-то возмутился и вступил с ним в спор, а затем и в драку. Это продолжалось всего несколько секунд - моя приятельница увела меня. У меня осталось странное впечатление от этого пустякового происшествия. У меня не было страха. Бояться следовало. Во-первых, если бы пришла полиция, то моя юридическая карьера либо оборвалась, либо очень затруднилась. Во-вторых, продавец был крупный мужчина и, вероятно, побил бы меня. Со мною происходило следующее: я не преодолевал страха, я был свободен от него, я о нем не помнил. Это состояние продолжалось секунды. Я считаю это состояние столь же особенным, как и состояние интуиции и озарения двух молодых убийц, описанных мною выше, - хотя формально я их не обвинил ни в чем, но я понимал, что это они стреляли. Добавлю к этому ещё одно состояние, которое я вычитал в дневнике убитого (когда я на днях был в этом городе, мне позволили снять копию этого дневника, находящегося в том деле). Это-экстаз.

Разные масштабы, разные причины, различные эмоциональные состояния - эти 4 состояния,

соответствующие 4-м главам этой повести, являются особыми, и о них я хочу рассказать в своих будущих лекциях.

Во время визита в этот город у меня были три встречи с этими дамами. Сперва тет-а -тет, потом вторым. Но об этом я расскажу в следующей (последней) главе.

Глава 5. Тост старого профессора.

Как я уже упоминал, мы были приглашены к литераторше на пятичасовой чай. Помня о намеке на грузинский коньяк, я взял такси, а не воспользовался арендованной машиной. Без четверти пять я заехал за администраторшей. Я посоветовал ей взять с собою её блокнот с записями. В пять часов я позвонил в дверь квартиры литераторши.

Нас впустила пожилая горничная, легко справилась с нашими шляпами и зонтом, провела нас по широкому коридору с книгами, постучала в дверь хозяйки, дождавшись приглашения, пустила нас в комнату, посмотрев на хозяйку, вышла, закрыв за собою дверь. Хозяйка сидела в том же кресле в том же платье, что вчера. Моя спутница подошла к ней. Женщины поздоровались за руки и почти одновременно сказали одну и ту же фразу: "Так это были Вы! Кто бы мог подумать." Нас пригласили сесть. Паузу прервал я. Я предложил, прежде чем мы начнем говорить по существу, чтобы дамы обменялись своими записями. Они согласились. И минут 15 была тишина - они читали. Они закончили чтение почти одновременно. Первое замечание высказала литераторша: "Как

все это было просто, оказывается". "Я его почти не знала", - ответила ей администраторша, - "Мне просто нужны были деньги". "Я его знала очень хорошо", - сказала вторая, - "за что я его убила, я точно не помню. По-видимому за то, что он убил во мне самоуверенность".

Я предложил, что я прочту его письмо. Тогда у нас будет полная картина всего события. Минут 15 они меня слушали. Первая реакция была литераторши: "Так он не был талантлив! Ему нужны были годы, чтобы попытаться нарисовать состояние экстаза на лице ребёнка. Мне приятно знать, что я убила человека неталантливого".

Возникла неприятная пауза. Хозяйка позвонила, и вошли 2 горничные. Пожилая везла столик со всем необходимым для чая, второй столик везла молодая горничная с вином и коньяком. Посмотрев на хозяйку, обе горничные вышли. Столик с чаем был обычным, на столике с вином стояли 2 бутылки грузинских вин, фужеры, коньячная рюмка и пузатый графинчик с коньяком. Я разлил дамам вино. Как я и ожидал, хозяйка выбрала полусухое, её гостя - полусладкое. Я попробовал коньяк. Хозяйка сказала: "Это хобби и профессия моего старшего сына. Мы достаточно богаты, чтобы мальчики могли не зарабатывать. Элитные вина были любимым развлечением моего старшего сына. Потом это все-таки стало его бизнесом".

Я спросил, что делает младший сын. Она ответила: "Разъезжает со своей скрипкой по всему свету. Дальше Баха он пока не пошёл, пытается понять

Моцарта. Он считает, что его жизни хватит до Бетховена".

"Милые дамы, начал я, - я приехал сюда и вовлёл вас в эту суету, пытаюсь понять что собой представляют те чувства, которые сошлись в этом странном преступлении. Тут участвуют и два убийства, и сознание своей неталантливости, и опереточная сцена у пивного ларька, о которой я сейчас расскажу". Я рассказал им историю "великой битвы", упомянутой мною в предыдущей главе. Во время моего рассказа и всей предыдущей сцены я многократно пробовал грузинский коньяк.

Грузинский коньяк! Какой букет! Какой вкус! Какое послевкусие...

Я предложил тост. Он был длинным и начинался с предисловия.

Итак, 4 состояния: интуиция, озарение, экстаз, свобода от страха. В этом месте меня перебила литераторша. Она прочла несколько строф из стихотворения русского поэта Пушкина (напомню, что она была славистом). Эти строки я выписываю из находящегося у меня перевода Пушкина. Вот они:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

И другая фраза из того же стихотворения:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

Тут неожиданно вступила в разговор администраторша, которой, как мне казалось, это все не очень интересно. "Бывают тупиковые ситуации, выход из которых состоит в абсолютно алогичном поступке. Это что-то из того же списка странных состояний. Мы чаще, чем нам кажется, пользуемся не логикой, а чем-то более высоким. История часто об этом рассказывает (Александр, Магомет, Наполеон, Кутузов)."

Она замолчала, несколько смущённая своим выступлением. Я допил коньяк и храбро продолжал: "Гипотеза. Все эти необычные состояния – прикосновения к чему-то следующему за нами. Это попытка заглянуть за занавеску, ограничивающую наше понимание мира, в который мы помещены. Эти прикосновения показывают те направления, в которых можно искать ответ на единственный вопрос: Кто мы и где мы. Я пью за то, чтобы, идя по этим направлениям, мы дошли до умения быть счастливыми. Пью за счастье ваших внуков и внуко ваших внуков!"

Ответом мне были аплодисменты.

Нахария, 2015

Записано со слов автора
Мариной Приваловой
m.prival@mail.ru

